

ИСПЫТАНИЕ ПОШЛОСТЬЮ

(А.И. Солженицын и современная демократия Запада)

Двенадцатого февраля 1974 года Александр Исаевич Солженицын был арестован органами госбезопасности Москвы у себя дома, на Тверской, и после суточного пребывания в изоляторе препровождён («выдворен», как сообщалось тогда по официальным каналам) за границу, в ФРГ. Он смог вернуться домой, в Москву только 24 мая 1994 года — двадцать лет спустя. Изгнание оказалось продолжительным.

Дни своего вынужденного пребывания в изгнании писатель отразил в незаконченном (на сегодня) обширном сочинении «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», печатавшемся в номерах «Нового Мира» с 1998-го по 2001-й год. Это документальное свидетельство нового, вынужденного противостояния писателя системе демократической государственности Запада, неожиданно пред ставшей А.И. Солженицыну в подлинном обличье, совсем не таком, каким она виделась из ГУЛАГа. Публикация этого труда пришлась на едва ли не самые трудные — после крушения коммунизма — годы России: дефолт, вторая чеченская война, гибель «Курска», кровавые акции террористов в Москве и других российских городах. И сам журнал тогда боролся за собственное выживание — купить его номера в розничной продаже было делом почти невозможным. Отчасти и в силу этих причин новый труд А.И. Солженицына «массовому» (как раньше говорили в СССР) читателю оказался по существу недоступен.

В наши дни, когда — после крушения коммунизма и вопреки благостным предсказаниям западных политологов — наблюдается кризис и капиталистической системы, труд писателя ещё более актуален, чем семь-восемь лет назад, когда, казалось, США уверенно и навсегда вышли в мировые лидеры. И если «Архипелаг ГУЛАГ» стал обвинительным актом советскому государству как уголовному преступнику, «Угодило зёрнышко между двух жерновов» оказывается в симметричной позиции по отношению к системе всей демократической государственности цивилизованного Запада; но это не обвинение конкретному государству, а последовательное оппонирование именно с и с т е м е.

За последние несколько лет лавинообразно нарастает число жур-

нальных статей и книг, предрекающей скорую гибель и американской государственности и всему цивилизованному Западу, — не то было четверть века тому назад, когда писатель работал над своим «Зёрнышком». Даже поражение во вьетнамской войне и провал политики самого демократического (по расхожим меркам) Президента США Джеймса Картера (1975—1980 гг.) не побудили Запад к пересмотру нравственных основ той «демократии», которая утвердилась в цивилизованных странах после победы над фашизмом в качестве наилучшей модели общественного устройства. И если современные критики капитализма и демократии (прежде всего — в самих США) не одобряют политику мирового лидера — США чаще всего с позиций антиглобализма, А.И. Солженицын сосредоточивает внимание на э т и к е современной демократической государственности, совершенно не затрагивая экономические интересы и проблемы ведущих стран Запада.

Предлагаемый очерк — лишь прикосновение к анализу этого многомерного сочинения; будущие исследователи прочтут «Зёрнышко» в исторической перспективе, включённым в ряд произведений XIX века, в частности, таких, как «Джон Теннер» А.С. Пушкина, «Демократия в Америке» Алексиса де-Токвиля, «Американские заметки» Чарльза Диккенса. Сочинение А.И. Солженицына замкнуто в своем времени — конца века XX, когда никакие извинительные ссылки на «незрелость» демократии во внимание приняты быть не могут.

Соприкосновение с демократической действительностью оказалось шоковым. Только что, на Родине писателю угрожали смертью. В телеинтервью компании CBS в Цюрихе он сказал: «Арестовали меня и предъявили «измену Родине», которая даёт высшую меру — расстрел, так что в первый же вечер ареста предъявили расстрел». (1) «И вдруг, — продолжает писатель, — мне объявляют, что я высылаюсь — куда? — и неожиданно во Франкфурте на Майне высаживают. И почти с этого момента начинается штурм, западная пресса обрушивается на меня <...> требуют, чтоб я высказывался. <...> в осаде я нахожусь. Хочу выйти, хоть подышать, хоть ночью, когда никого нет. Выхожу на задний балкон — вдруг два прожектора на меня, и фотографируют, ночью! Я иду со спутниками, разговариваю, подсовывают микрофон, несколько микрофонов, узнать — что я го-

ворю своим спутникам³ и передать своим агентствам <...> И это потом продолжалось долго, когда я ездил в Норвегию, когда приехала моя семья, приехала бессонная, измученная, — нет, позируйте, выходите, позируйте нам! Отказались. Тогда прорвались тут, вокруг нашего дома, топчут всё, что соседи насадили, как стадо бизонов, чтобы что-нибудь сфотографировать. <...> Хорошо. Можно было бы даже восхититься: как западная пресса в натиске таком добыть истину — ничего не жалует: ни себя, ни других, ну, как военные корреспонденты, лезут под самый обстрел, — пусть меня убьют, но я сейчас сфотографирую и что-то такое сообщу. Но вот странное явление: оказывается, западная пресса далеко не всегда так необузданно стремится к истине. Я наблюдал эту самую прессу у нас в Москве, да так и везде в Восточной Европе, и в Китае особенно. Вот поразительно: там западная пресса совершенно меняется <...> Большинство вдруг становятся такими скромными, такими осторожными, такими осмотрительными...». (1, с. 92—94)

Солженицын, дороживший каждой минутой своего времени, видел перед собой непечатый край работы. Нужно писать «Красное колесо», осуществлять авторское сопровождение своих выходящих на Западе книг, собирать средства для оказания помощи политзаключенным у себя на Родине, — наконец, просто зарабатывать на прокорм семейства. И произведение «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» повествует о том, с какими неожиданными и почти непреодолеваемыми трудностями пришлось столкнуться ему при осуществлении своих стопроцентно литературных планов. Опыт противостояния советской системе, борьбы с КГБ оказался здесь — и в первые месяцы в Европе и позже, в США не востребуемым. Если в Советском Союзе под постоянной угрозой находились его личное благополучие — жизнь, свобода, право на общение, но его писательский труд оставался в неприкосновенности (с лагерных времён было лишь опасение — куда схоронить написанное), на Западе разрушающему воздействию подвергся самый творческий процесс, — главное дело его жизни. В первые же недели жизни — в Германии, а затем и Швейцарии писатель столкнулся с неожиданным стереотипом отношения к «чужому»; казалось бы, на демократическом Западе, где неустанно декларируются толерантность и свобода личности, он сможет совершенно беспрепятственно осуществлять свою миссию. Тем более дикой оказалась для него суровая реальность.

«Молчанием моим — они оказались крайне разочарованы. Так — с первого шага мы с западной «медиа» не сдружились. Не поняли друг друга». (2, с.46) «А тут ещё столкнулся с западной «медиа» в её яростном расхвате: подслушивают, подсматривают, фотографируют каждый шаг. Да неужели же я, не притворявшись перед драконом на Востоке, — буду теперь притворяться и угождать перед этими на Западе? Окутываете меня славой? — Да не нужна она мне!». (2, с.54)

Сегодня словечко «политкорректность» звучит на каждом углу и у нас, особенно в среде наших правозащитников, В 1970— 1980-е годы Запад ещё только вырабатывал понятия для защиты «свободы личности» — такие, как «харрас-смент», «политкорректность» и т.п. И вот — свидетельство о подлинной цене этих блудсловных завитушек. Вспоминает писатель, как однажды «...потащили меня в Союз Писателей, на вручение какой-то здешней премии. Говорили все по-датски, не переводя, я сидел-отдыхал-кивал, а после церемонии какой-то из писателей подошёл ко мне плотную и, наедине, впечатал выразительно на чистом русском: «Мы вас ненавидим! Таких, как вы, — душисть надо!» (2, с. 54)

Такие, институционализированные на Западе понятия, как «свобода личности», «демократическая пресса», «демократическая общественность», «демократические государственные властные органы», «судебная система» «права человека» постепенно открывались русскому изгнаннику в совершенно ином, невообразимом свете. К его удивлению, ярость «свободной прессы» вызвал опубликованный в начале того же, 1974 года документ — «Письмо вождям», в котором автор — неагрессивно и раздумчиво — увещевал членов Политбюро последовать предлагаемой им программе постепенного отхода от коммунистической программы и трансформации Советского Союза без насилия и жертв.

Солженицын констатирует: «На Западе же теперь литературное произведение оценивают тем выше, чем автор отрешённей, холодней, больше отходит от действительности, преображая её в игру и туманные построения. И вот, сперва нарушив законы принятой художественной доброобразности, я теперь «Письмом вождям» нарушал и пристойность политическую». «И после близких недавних восторгов — полилась на меня уже и брань западной прессы, крутой же поворот за три недели! Да если бы хоть прочли внимательно! — из отзывов и брани сразу выскаливало, что эти газетчики и не удосужились

прочсть подряд! Тут впервые поразила меня, а потом проявилась постоянным свойством — недобросовестность». (2, с. 63—64)

Размежевание русского изгнанника с миром западной демократии началось мгновенно и продолжалось все последующие двадцать лет. «Да больше всего их ранило, что я оказался не страстный поклонник Запада, «не демократ»!

А я-то демократ — последовательней и нью-йоркской интеллектуальной элиты и наших диссидентов: под *демократией* я понимаю реальное народное самоуправление снизу доверху, а они — правление образованного класса! (2, с. 64)

Попавший на Запад Солженицын и сам не смог бы скоро расстаться с некоторыми иллюзиями в отношении демократии по западному образцу — не столкнусь он со столь открытой неприязнью к нему. «Как же было нам не знать, не помнить, что Запад существует! Да каждый день мы в Советском Союзе это ощущали, и борьба наша вызывала гулкое эхо на Западе и тем получала опору в западном общественном мнении. А вместе с тем реальные законы Свободного Мира нами не ощущались». (3, с. 93)

Литература о демократии необъятна. Дефиниций, определяющих её истинную суть — тьма. Однако на рубеже веков XX и XXI произошла узурпация права на толкование демократии — западными странами евроатлантического мира. Вскоре эта модель демократии (по американскому образцу) получила санкцию политического философа Френсиса Фукуямы в его знаменитом, почти скандально-известном труде «Конец истории». Самодовольный Запад, утвердившись в непогрешимости своих представлений о демократии, сплошь и рядом стал действовать по образцу тоталитарных государств. Поучителен эпизод, вовлекший Солженицына в конфликт с... швейцарскими властями. Шестнадцатого ноября 1974 года Солженицын дал в Цюрихе пресс-конференцию, имевшую для него неожиданные последствия. Тут же выступил шеф цюрихской полиции для иностранцев Цеентнер. Он указал, что Солженицын высказал критические соображения о коммунизме вообще и о роде и способе, какими он практически осуществляется в Советском Союзе. Эти высказывания имели политическое содержание. Но согласно решению швейцарского правительства от 1948 года касательно политических речей иностранцев, те из них, кто не обладает швейцарским подданством, могут высказываться на политические темы как на открытых, так и

на закрытых собраниях только с разрешения властей. А в будущем, продолжал Цеентнер, требуется, чтобы перед каждым таким собранием испрашивалось бы разрешение цюрихской полиции не позднее как за десять дней.

Вот комментарий писателя: «Десяток суток! Фью-у-у-у! Вот так приехал в свободную страну! <...> Да мне и КГБ таких указаний не выставляло...». (2, с. 97)

Сегодня наши петербургские правозащитники весьма болезненно реагируют, когда власти нарушают уведомительный порядок информирования о митингах и пикетах; забыли они видно, как самая «демократическая» Швейцария заботится о наведении единомыслия... Александр Исаевич откликнулся на эту оригинальную акцию цюрихской полиции письмом в полицию от 7 января 1975 года. Ниже приводятся выдержки из этого письма.

«Никак не могу взять в толк, почему мою критику социализма и коммунизма как социальных теорий и систем, проведённую на пресс-конференции 14 ноября, Вы расцениваете как политическое выступление. Я ни словом не высказывался о советском *правительстве*, ни — об одном члене его, и не только не призывал к насильственному изменению советского *режима*, но, напротив, предостерегал от таких действий.

Поучительно сопоставить, что в этом же самом городе Цюрихе в 1916—1917 годах Владимир Ленин, так же не имеющий разрешения «осесть», как и я, — многократно на собраниях открытых и закрытых призывал к насильственному свержению не только русского правительства, но и всех правительств Европы, в том числе и самого швейцарского, путём открытия гражданской войны в этой стране <...> и полицией для иностранцев Цюрихского кантона это никогда не было сочтено за нарушение швейцарского нейтралитета, ни вмешательством в швейцарские внутренние дела. Ленин и его единомышленники не получили никогда ни одного замечания за свою разрушительную работу <...> Более того — содействием швейцарского правительства Ленин и его единомышленники были отправлены через Германию в Россию для скорейшего осуществления государственного переворота там, и это тоже не трактовалось как нарушение швейцарского нейтралитета.

Если же теперь для теоретического обсуждения социальных проблем я должен получить предварительное разрешение швейцарской

полицей — мне остается констатировать, что с тех пор, и особенно решением Бундесрата от 24.2.1948, швейцарская демократия сильно эволюционировала». (4)

Расхождение Солженицына с Западом в понимании сущности демократии никак не связано с его первыми (неприятными) впечатлениями от бесцеремонности западных журналистов и предвзятости прессы. В конце 1980-х годов, ещё оставаясь в Вермонте, писатель в своем знаменитом «Как нам обустроить Россию» вопросу «что есть демократия и что не есть» отвел целый параграф. Напомнил, что ещё «Дж.С. Милль видел в неограниченной демократии опасность «тирании большинства». Сочувственно привёл классификацию признаков демократии у русского философа Левицкого, различавшего основные две черты демократии: 1) свобода личности; 2) правовое государство, — и вторичные, необязательные, такие как 1) парламентский строй и 2) всеобщее избирательное право. От себя Солженицын пояснил: «Эти два последние принципа совсем не очевидны». Сегодня Кэндолиза Райс именно всеобщее избирательное право внедряет в «демократизируемые» Америкой страны как лакмусовую бумажку на соответствие их государственного строя демократии. Насколько продуктивно последнее толкование демократии видно на примерах Афганистана и Ирака, где «всеобщие выборы» официально признаются проведенными.

Прискорбно, что в одном лагере с западными толкователями понятия «демократия» тогда же, в середине 1970-х выступил и А.Д. Сахаров. К недоумению многих он принялся диктовать отечеству программу «демократических сдвигов под экономическим и политическим давлением извне». Солженицын возражает: «Давление извне! — американских финансистов? — на кого надежда!» Он напоминает высказанное им в «Письме вождям» нужное направление движения: «медленный, постепенный переход к демократии через авторитарность». С этого пункта расхождения «вот с этой сахаровской статьи с постоянными ссылками на неё и пошло перетолком по Западу, что Солженицын — антидемократ и ретроград». (2, с. 67) «От «Письма вождям» снят был общественный самозапрет ругать меня <...> и вдруг — зазвучали, зазвучали негодующие голоса. Одни — по убеждённости: как? Солженицын *изменил* демократии? Да как можно ждать чего-либо другого, кроме *н е м е д л е н н о г о* перехода к демократии?» (Я писал: *п е р е х о д н ы й* период

авторитарной власти, чтобы не разгрохать всеобщую жизнь разом, — и не слушали доводов даже, но «авторитарист»! (5, с. 92) Эрих Фромм в своём «Бегстве от свободы» даёт почти фрейдистское толкование *авторитаризма*, как проявления садомазохистских комплексов в человеке; оставим эту версию здесь без внимания. Политический словарь трактует это понятие как «политический режим, при котором монополия на власть принадлежит одному лицу, комитету, партии, либо иному органу, не допускающему участие в управлении других группировок». (7, с. 5) **Т о т а л и т а р и з м** — более узкое понятие, «разновидность авторитаризма, при которой государство контролирует почти все аспекты жизни личности». (7, с. 65) При авторитаризме народ не участвует (полностью) в управлении государством, но государство же выпускает его из своих когтей, оставляя ему относительную свободу личной жизни и поступков.

Столп западной демократии — свободная, независимая пресса. Сколько раз она выводила на свет, к слушателям слова правды из-за «железного занавеса», а те из нас, кому сегодня под или за семьдесят, помнят неумолимую жужелицу радаров, глушивших в начале 50-х ВВС или «Голос Америки». Помнит об этом А.И.: «Как же было нам не знать, не помнить, что Запад существует! Да каждый день мы в Советском Союзе это ощущали, и борьба наша вызывала гулкое эхо на Западе и тем получала опору в западном общественном мнении. А вместе с тем реальные законы Свободного Мира нами не ощущались».

«Мы бились насмерть, мы изнемогали под каменным истуканом Советов, с Запада нёсся слитный шум одобрения мне, — и оттуда же тянулись ухватчивые руки, как бы от книг моих и от имени поживиться, а там пропади и книги эти, и весь наш бой. И без этой стороны дела осталась бы неполна картина». (3, с. 93–94)

Европейская, а затем и американская пресса почти мгновенно почувствовала, что русский изгнанник абсолютно неуправляемая личность, для которой деньги — ничто. Это было больше чем разочарование, это было — оскорбление западному — полностью одномерному образу жизни. Ещё в 1969-м, оставаясь в СССР, в письме, опубликованном советскими газетами по поводу издания на Западе «Августа Четырнадцатого», опальный Солженицын предупредил западных издателей: «Кроме денег существует ещё и литература».

Какое там. Вот и демократическая Швейцария. «Вот и Берн <...> А приготовил-то я, оказывается, речь ого-го какую серьёзную. Я, опережая догадками равномерный опыт, составил для итальянских журналистов речь — вот уж не в коня корм. Мне казалось: пора подниматься в оценках на вершины — а ещё на низменности ничего не было разобрано! И журналисты бедные — угасали на глазах от мудрёных этих высот. После церемонии подошёл ко мне один молодой журналист попроще и едва ли не плачущим голосом спросил: «Ну и что ж я из этого могу дать своим читателям? Вы поясней чего-нибудь не можете сказать?» (2, с. 79)

Нелепость, конфуз — почти как в случае с постановками чеховской «Чайки».

«Удивительно, — продолжает Солженицын, — провалилась вся моя эта речь в глухоту. Через четыре года её же, те же самые мысли сводя в тот же купол, произнес я в Гарварде — она взорвалась на всю Америку и на весь мир. Очень неравно в западном мире, где именно произнести или печататься. И даже из рафинированных стран Европы, как Франция или Англия, в Америку проникает плохо. Но сказанное в немудрящей Америке — почему-то громко летит на весь мир. Анизатропная среда, как физики говорят». (2, с. 79)

И — какое горькое разочарование! «Это уже Ева потом мне объяснила, опять: «так дела не делаются», на Западе никто не станет начинать работу без аванса, без финансовой прочной основы. Как странно было слышать это нашим ушам, привыкшим к бескорыстному и даже головоотчаянному стуку самиздатовских пишущих машинок. Это на каждом шагу «сколько?» не прилеплялось, не переплеталось с нашим, привычным». (3, с. 100)

«Издательства одинаковы: воля писателя, как он там бьётся в советских тисках мало интересуется их. Им нужна только гарантия коммерческого успеха: что никто не обгонит их в печатании, что на случай суда у них есть юридический документ. Наши простецкие мозги не были приспособлены понять их». (3, с. 99)

Даже одно из лучших издательств не церемонится с выпускаемым произведением — «под его крылом маленький «Иван Денисович» был разорван четырьмя переводчиками для скоростного перевода (?) — уже которое в этом ряду? — вот эта однообразная прагматичность их действий безо всякого нравственного контроля более всего и поражает меня в истории печатания моих книг на Западе!.. (3, с. 107)

«Одни сплошные кругом наживы, расчёты — и вообразить нельзя, что все это копошеньё — вокруг огненной т а м, в СССР, мятели. Пока мы там бьёмся, нам отсюда грызут спину». (3, с. 110)

«В прежние века писатели писали для малого кружка высоких ценителей — но те направляли художественный вкус, и создавалась высокая литература. А сегодня издатель смотрит, как угодить успешной массовой торговле — так чаще самому непотребному вкусу. <...> в таких условиях великая литература появиться не может, не ждите, она кончилась — несмотря на ограниченные «свободы».

Свобода ещё не независимость, ещё не духовная высота». (3. с. 118)

«Независимость! — это и шире, и действенней, чем одна только свобода.» (6, с. 113)

Солженицын неумолимо фиксирует, как Запад от раза к разу пасует, отступает перед нашествием коммунизма, не понимая, что «если сегодня хрустят наши косточки, то завтра будут хрустеть ваши». «Кажется, вот-вот войдут в Польшу советские войска! — и как тут промолчать ? <...> Я поспешил с новым заявлением. (А «Голос Америки», это ещё при Картере, струсил и смягчил меня. Не могли они такой дерзости выговорить в ухо советским коммунистам: вместо «кровавые последователи Ленина» передали «Советский Союз», вместо «сколько людей народов, чужих и своих, будет перемолото и опозорено в той мясорубке» — «сколько людей погибнет при вторжении»). Подменили меня, дипломаты нанюханые». (6, с. 131)

Нужны лишь мгновенные сенсации, высказывания мировых лидеров — да о чём угодно. О природе, о состоянии дорог... «Чуть где событие, вскочит шишка — агентства рвутся, добиваются от меня высказывания — но оно будет действовать всего пять минут, через пять минут вскочит в другом месте другая шишка, а эта будет — прочно забыта. Медиа всю душу вкладывает не за глубину — за новость». (5, с. 130)

Самый рядовой американский обозреватель уверен в своем абсолютном превосходстве над любым — даже таким, как Солженицын, выходящем из страны, неподвластной Америке. «Даже рядом, в сонной Канаде, ведущий комментатор телевидения поучал меня, что я берусь судить о мировом опыте с точки зрения опыта *ограниченно-го* — подсоветского и лагерного. О, конечно, жизнь и смерть, неволя и голод, выращивание души вопреки пленению тела — как это

ограничено по сравнению с ярким миром политической партийности, вчерашнего курса на бирже, необъятной развлекательности и экзотического туризма». (3, с. 70)

«Права и свободы человека», «правовое государство» — понятия, на которых строят свою — в первую очередь внешнюю политику — передовые государства Запада. Не входя в философские дебри и не пускаясь в эволюционно-исторические изыскания о значении этих понятий в разные времена, остановимся на одном из примеров в сочинении Солженицына, вскрывающем неправомерность построения высоких политических и государственных дефиниций с опорой на произвольно толкуемое понятие: «права человека». Его абсолютизация моментально приводит к совершенно неприемлемым выводам. Вот пример доведения до абсурда «права на информацию», провозглашаемого в «свободном обществе»: «А тем временем всё притекали и копились тысячи писем не столь известных людей, отвечать на них — да даже читать их — не было никаких сил. А на Западе привыкли, чтобы каждое учреждение и каждое лицо отвечало на каждое письмо: держи какую хочешь большую контору, ПУСТЬ ОТВЕЧАЮТ ЗА ТЕБЯ СЕКРЕТАРИ, НО ОТВЕЧАЙ». (2, с. 69) И далее — в другом месте: «Казалось бы, демократия. Прокламируют, что уважают всякие, всяческие права, своеобразие вкусов личности, даже причуды. Почему же такая раздраженная нетерпимость к попыткам уединиться?». (5, с. 77) «А ещё ж и такое настояние: «Пять минут поговорить по телефону, лично!» Но абсолютно не телефонный я человек, самый темп телефонных сношений давно уж отучился я впускать в свою жизнь. Да в таком темпе не люблю и решений принимать, не учтёшь всех соображений, ошибёшься. Телефонным людям кажется дикостью написать письмо, когда «можно сразу поговорить». А для меня, напротив, дико, что люди не хотят признать никаких пространств, разлук, уединений, а — сразу выслушай, сразу ответь». (8, с. 149) «В доме, где я работаю, нет телефона, и обычая у меня телефонного нет, годами не беру трубки — это важное условие ровной работы». (6, с. 175)

Порицаемый прессой (уже — и американской — за будто бы уклонение от животрепещущих тем, затворничество, писатель недоумевает: «Каждое вылезание в публицистику немедленно тянет за собой грозды откликов и писем, по объёму во много раз превышающих мои строки, — и что ж ? отвечать? Удивляюсь, что не догадались в

Штатах провести закон, что каждый и м е е т право на ответ — ну наряду с правом личности «всё знать». Под таким законом попотел бы я, отвечая на тысячи писем, до литературы бы уже не дошло». (6, с. 130)

«Права человека, — подчеркивает Солженицын, — вознесены настолько, что подавляют права общества и разрушают его. Особенно своевластна пресса, никем не избираемая, но приобретающая силу больше законодательной, исполнительной или судебной власти. А в самой *с в о б о д н о й* прессе доминирует не истинная свобода мнений, но диктат политической моды — к неожиданному единообразию мнений». (5, с.102)

Позволю себе — в контексте высказанных А.И. суждений — обратиться к сегодняшним политическим реалиям в Петербурге. Один из идеологов правозащитной организации «Гражданский Контроль» недавно вновь печатно высказался на тему прав человека. Он выразил пожелание, чтобы оппозиция воздействовала на власть с тем, чтобы та «решала возложенную на неё ключевую задачу: претворяла в жизнь права и законные интересы наших граждан». (9) Не о праве ли «интересоваться» личной жизнью всех и каждого и «получать об этом информацию» печётся наш правозащитник? И какие интересы следует считать «законными»? И если вспомнить, что п р а в о как понятие шире и заведомо предшествует з а к о н у, то немудрящая тавтология реализации права через обеспечение «законных» интересов очевидна. Приведу целиком развернутое высказывание А.И. Солженицына об имеющей широкое хождение на Западе «идеологии прав человека».

«Как это понять: «идеология прав человека»? «Права», возведенные в ранг *идеологии*, что это такое? Да это же давно известный анархизм! И это — желанное российское будущее? Да ведь ещё умница В.А. Маклаков поправлял своих разъярённых кадетов: надо заботиться не только о правах человека, но и о правах государства! Добиваясь права каждого, надо же помнить и об обязанностях каждого — надо же позаботиться и о целом! Наше столетнее Освободительное Движение как раз и добивалось только — прав каждому, исключительно — прав. И развалило Россию. Все наши события 1917 года начались разве с подавления прав? а не с полного их разгула? — рабочие захватили право бить в морду администрацию, солдаты — право уезжать с фронта, крестьяне — валить не свой лес, разбирать

на части лесопилки или мельницы, самим брать землю, все горожане — требовать неограниченного увеличения зарплаты, а русское демократическое правительство всему этому легко уступало. Ведь когда мечтаются «права человека», то подразумевается прежде этого интеллигентное право печататься и произносить речи — однако за тем покатится полный размах других «прав», где уже не отличат слово от угрозы, свободу от безнаказанности, собственности от воровства <...> Медицински говоря, назойливое втолакивание «прав человека» есть программа независимого одноклеточного существования, то есть ракового развития общества». (6, с. 146) А ведь почти в те же месяцы, когда публиковались первые главы «Зёрнышка...», навек контуженный преклонением перед демократическими институтами Запада правозащитник (национальных меньшинств Всея Руси от... русских) Сергей Ковалёв во всё пространство «известинской» полосы печатал свои рассуждения под заголовком «Права человека как национальная идея». (12) Трудно не заметить, что ежели права человека должны главенствовать повсюду, значит провозвестник такого лозунга фактически отрицает существование наций (у в с е х наций главная идея — одна). Откуда ушли, туда и приехали: получается не забытый ещё большевистский идеал: «Это чтобы в мире без России, без Латвии жить единым человеческим общежитием!»

Заключая тему «прав человека», стоит вспомнить, что победивший на президентских выборах в 1976 году в США Джеймс Картер, объявивший тогда краеугольным камнем его внешней и внутренней политики «защиту прав человека», недавно опубликовал книгу. Вот её название: «Кризис морали в США». Это — о стране, возглавившей четверть века назад правозащитное движение!..

Обосновавшись на Западе, писатель с великой горечью признаёт, что истинные мотивы его подвижничества, его лучшие выводы и доказательства, предупреждающие сигналы, направляемые им «свободному миру» — не напрасны ли они?

«Здесь, на Западе, к чему мне те позиции, где я крепко стою и где как будто слушают меня? Всё это — без истинной пользы, и душа к тому не склонна. Все больше вижу я, что государственный Запад и газетный Запад, да и конечно — бизнесменский — нам не союзник, как слишком небезопасный союзник для преобразования России. <...> Оглядываясь, теперь можно удивиться, что та слитная поддержка, которая так подносила меня в бою с Драконом, поддержка

западной прессы, западного общества, да и в СССР — то неоправданное усиление, которое я тогда получил, — создалось по взаимному непониманию. А на самом деле всевершающему мнению западной интеллектуально-политической верхушки я так же мало угоден, как и советским правителям, да и советской образованщине». (5, с. 82)

«Что ни шаг на Западе, самый простой шаг, вызывает суд — была для меня полная неожиданность, и резко неприятная: этой атмосферы напряженных гражданских исков в Союзе не было совсем». (3, с. 106) «Я все время сравнивал людей здесь, на Западе, и людей там, у нас, — и испытывал к западному миру печальное недоумение. Так что ж это? Люди на Западе хуже, что ли, чем у нас? Но когда с человеческой природы спрошен всего лишь *юридический* уровень — опущена планка от уровня благородства и чести, даже понятия те почти развеялись ныне, — тогда сколько открывается лазеек для хитрости и недобросовести. Что вынуждает из нас закон — того слишком мало для человечности, — *закон* *повыше* должен быть в нашем сердце. К здешнему воздуху холодного юрицизма — я решительно не мог привыкнуть». (3, с. 118) «Может быть, тут первый раз, а потом и ещё замечал: при юридических столкновениях — физическое ощущение усилия в верхней части груди, как бывает мускульное при схватке руками, — а тут чем? Это схватка душами. Не свойственная для душ, низкая для них — и потому унижающая схватка. И потом ещё долгое последствие, опустошенность в груди, Юридическая борьба — профанация души, изъязвление её. Выступив в юридическую эру и постепенно заменив совесть законом, мир снизился в духовном уровне.

О, юридический мир! О, свободное крючкотворство!». (3, с. 140)

На многих-многих страницах в «Зёрнышке...» рассказывает автор о непрерывных судебных преследованиях его со стороны «свободных» издателей, переводчиков, незваных его «биографов». Пересказывать здесь перипетии нескольких судебных дел и формулировки исков — значит перегрузить этот анализ частностями — отсылаю интересующихся к самому «Зёрнышку». Назову лишь два имени — Флегон и Андреева-Карлайл. Первый самовольно издавал — в скверном переводе — произведения Солженицына, начиная с «Августа Четырнадцатого», и когда А.И. позволил себе резко отозваться о качестве и ценности «издательских усилий» Флегона, тот подал на него в суд за оскорбление личности. Позже тот же Флегон ещё

и сам написал возмутительно лживую и злобную книгу о Солженицыне. Ольга Андреева-Карлайл, которой писатель доверился, ещё находясь в СССР, оказалась — в качестве переводчика и издателя романа «В круге Первом», столь же недобросовестным и непорочным лицом. Когда Солженицын лишил её прав на издание своего романа, она затеяла гнусное судебное преследование Солженицына — ведь от неё уплывал крупный денежный куш. Вот лишь несколько строк Солженицына о книге Флегона: «Тысячестраничный <...> двухтомник Флегона: бездействующее, совсем невинное КГБ (самые бережные выражения о нём, и даже с нескрытой симпатией), резкие нападки на ЦРУ, клобочущее злобство ко мне — и море порнографии». «Тон книги — такой вульгарной развязности, как если бы трактирный лакей уселся главным гостем». (10, с. 82) Флегон выигрывает иск против Солженицына; далее слова А.И.: «И уже всем стал ясен мой проигрыш, но все заседания суда — о той полуфразе в нескольких экземплярах *русского* «Телёнка», изданного в Париже 12 лет назад — заняли девять полных дней! — вот она, бессмертная английская Фемида. Вот сутяга <...> победоносно действует в английских королевских судах уже четверть века — и никто не может его остановить.

И эти несведущие присяжные рассудили в своих безопасных креслах, что 15 лет назад в СССР, изнемогая в неравном бою с КГБ, я должен был аккуратнее выражаться о пирате, который в те самые годы испакощивал мои книги на Западе, и присудили мне наивысший из возможных в данном суде штрафов — 10 тысяч фунтов. А со всеми судебными издержками и бесплодными адвокатами это будет и втрое». (10, с. 83)

Тоталитаризм судебной системы, где процедура всё, а суть — это как посмотреть... Вот ещё два горестных суждения А.И. Солженицына: «А пожалуй, наиболее единодушно поражалась и возмущалась американская критика, как это я могу быть так уверен в своей правоте? Ведь известно, что для всяких мнений о всяком деле может существовать равновесие, текучий плюрализм, «фифти-фифти» — и никто не владеет истиной, да и быть её в природе не может, все идеи имеют равные права! А раз у меня такая уверенность, так значит воображает себя мессией. <...> И какими бы помехами ещё бы меня донять? Да, суды же, свободные демократические суды! <...> О, великое право личности на защиту судом! Свободный западный человек во

всю свою свободную жизнь лишён удовольствия сказать негоднику в глаза, что тот — негодник». (6, с. 161–163)

За Солженицына попытался вступить его соотечественник Ленчевский, оказавшийся на Западе ещё в начале 1960-х годов. Он подал иск на Флегона — по поводу его тысячестраничной книги, полной клеветы на писателя. «И, — пишет Солженицын, — попал в горшучую беду, когда вмешался защитить меня от физической грязи. С того момента потянула его в себя заглатывающая машина неперемемного британского суда, по моим впечатлениям — гниющая язва современной Англии». (8, с.127). Ленчевский всё-таки (!) выигрывает свой иск. В тяжбе по иску Ольги Карлайл помогает Э.Б. Вильямс, ранее выигравший суд против неё и спасший писателя от разорения.

Важно, что своё нескрываемое презрение к с и с т е м е «демократических институтов Запада» Солженицын никогда не переносит на рядовых представителей западного мира — швейцарцев, англичан, американцев; к людям в не власти — исполнительной, законодательной или судебной, действующих в житейских ситуациях в не механизмов западной демократии — он относится с интересом и, когда они того заслуживают, с искренней симпатией. «На Западе я старался убедить не политико-журналистскую братию, а простых людей». (8, с. 152)

Кичащаяся своими «политкорректностью» и «толерантностью» западная демократия, в каждом звене своем опирающаяся на правило «двойных стандартов» — для себя одно; напоказ, в лозунгах — другое, демонстрирует искренность и единодушие в одном: ненависти к России. Развитые цивилизованные страны дают приют и возможность выживания тем, кто приезжает к ним, чтобы безоговорочно принять западную систему ценностей и политических ориентиров. Не то — для тех, кто глядит на Запад неподвзято и не присоединяет свой голос к хвалебному хору. Но ещё непримиримее относятся пресса и государство к русскому, защищающему политические приоритеты своей страны: такой с порога объявляется «русским националистом». На поверку оказалось, что «свободный мир» готов терпеть коммунизм и коммунистов, но ощеривается, когда ему приходится иметь дело с защитником национальных интересов России. Солженицын не забывает отдельно назвать государственных деятелей США, приветствовавших его и пытавшихся в меру возможностей

повысить его статус в Америке. Это сенатор Хелмс, президент АФТ Джордж Мини, Темплтон, миллионер, учредитель Фонда, президент Рональд Рейган, деятельность которого Солженицын оценивает исключительно высоко.

В своем обращении к Рейгану Солженицын пишет: «Я восхищаюсь многими аспектами Вашей деятельности, радуюсь за Америку, что у неё такой Президент, не перестаю благодарить Бога, что Вы не убиты злодейскими пулями». (13) Но — функционеры системы, адепты «американской демократии» — это не что... Откровеннее всех были укоренившиеся в США украинские сепаратисты. «Они почти откровенно так и выражают, что с освобождением их родины от коммунизма они готовы и потерпеть, а только — утеснить бы москалей с лица земли, им жаждется признание, что весь мир страдает не от коммунизма, а от русских<...> Ведь именно украинские сепаратисты протащили через Конгресс Соединенных Штатов тот закон 86—90, что не коммунизм — всемирный поработитель, а русские». (6, с. 174) Этот закон, известный под именем закона о поработённых нациях, был положительно воспринят противниками коммунизма в России и — поначалу — самим Солженицыным — до тех пор, пока не открылась его точная документальная формулировка. Оказывается, поработителем наций являются русские, а вовсе не мировой коммунизм! «Да если бы я знал! если бы кто-нибудь мне тогда показал позорный закон 86—90 (1959 года) американского Конгресса, где русские не были названы в числе угнетённых коммунизмом наций, а всемирным угнетателем (и Китая, и Тибета, и «Казаккии», и «Ивдель-Урала») назван не коммунизм, а Россия». (3, с. 132) Разве не знают об этом те, кто, преследуя сугубо личные интересы, тянет сегодня Россию в ЕС и ВТО?

И как же ополчается эта хваленая западная демократия на россиянина, готового отстаивать национальные приоритеты своей страны! Прибытие Солженицына в Швейцарию почти совпало с прочтением на Западе ранее написанного (ещё в России) «Письма вождям». И тут хор комплиментов сменился на прямо противоположенный. «Газета («Нью-Йорк Таймс») теперь обзывала меня реакционером, шовинистом, империалистом. Тут и я онедоумел: в чём же империалист? Предлагаю Советам прекратить всякую агрессию, убрать отовсюду свои оккупационные войска — кому ж это плохо? пишу же: «цели империи и нравственное здоровье народа несовместимы», —

нет, империалист! А потому, что всякий русский как только выявит себя русским патриотом, уже «империалист». (2, с. 64)

Особенно всколыхнула идеологов «свободного общества» гарвардская речь писателя (1978 год). В ней он, критикуя западные демократии, вскрыл корни её пороков. Первопричиной их он считает катастрофу гуманистического автономного безрелигиозного сознания. «Мерю всех вещей на Западе (далее — солженицынская прямая речь) оно поставило человека — несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и других пороков. И вот ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы потеряли то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям, — а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь. На Востоке её вытаптывает партийный базар, на Западе — коммерческий. Вот каков кризис: не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его — сходная болезнь.

Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья, он не был бы смертен. Но оттого, что он телесно обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится главным образом опытом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её. Неизбежно пересмотреть шкалу распространенных человеческих ценностей и изумиться неправильности её сегодня. Невозможно, чтобы оценка деятельности Президента сводилась бы к тому, какова твоя заработная плата и не ограничен ли в продаже бензин. Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира». (11)

В «Зёрнышке...» писатель развивает мотивы своей знаменитой гарвардской речи. Он сокрушается, что «западное общество в принципе строится на *юридическом* уровне, что много ниже истинных нравственных мерок, и к тому же это юридическое мышление имеет способности каменеть. Моральных указателей принципиально не придерживаются в политике, а и в общественной жизни часто. Понятие *с в о б о д ы* переклонено в необуздание страстей, а зна-

чит, в сторону сил зла (чтобы не ограничить же никому «свободу»!) Поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. «Права человека» вознесены настолько, что подавляют права общества и разрушают его. Особенно своевластна пресса, никем не избираемая, но приобретающая силу больше законодательной, исполнительной и судебной власти. <...>

Царящая идеология, постулирующая, что накопление материальных благ, столь ценимое благосостояние — превыше всего приводит к расслаблению человеческого характера на Западе, к массовому падению мужества, воли к защите, как это проявилось во вьетнамской войне или в растерянности перед террором.

А все корни такого общественного состояния идут от эпохи Просвещения, от рационалистического гуманизма, от представления, что человек — центр всего существующего, и нет над ним внешней силы. И эти корни безрелигиозного гуманизма — общие у нынешнего западного мировоззрения и у коммунизма, и оттого-то западная интеллигенция так долго и упорно симпатизирует коммунизму». (5, с. 102)

Эти суждения вывели американскую прессу из состояния душевного равновесия. Понеслась (какая уж там «политкорректность») махровая ругань и — «если Вам здесь не нравится — убирайтесь!»

«До гарвардской речи, — поясняет автор, — я наивно полагал, что попал в общество, где можно говорить, что думаешь, а не льстить этому обществу. Оказывается, и демократия ждёт себе лести. Пока я звал «жить не по лжи» в СССР — это пожалуйста, а вот «жить не по лжи» в Соединенных Штатах — да убирайтесь вы вон!» (5, с. 103)

Писатель оказался дважды ненавистным — как критик бездуховной идеологии потребительского общества и как патриот своей страны. Ненависть не просто к чужаку-пришельцу, а именно — к русскому, критикующему основы морали стяжательства, стала проявляться и в большом и в малом. Даже дети писателя стали объектом ненависти американских обывателей, полностью приемлющих западные стандарты морали: «За выбранное мною лесное уединение дети платили свою цену. А Степан, с его добродушием, оказался незащищен против жестокости школьных нравов, на грубую ругань не способен отвечать руганью, его беззащитная повадка только подогрела атаки, да к тому же — иностранец. На переменах ему не давали участвовать

в общих играх, звали Russian Negro, требовали, чтобы он ел траву, даже запихивали в рот. Степушка был подавлен, говорил матери «из жизни нет выхода». А произошёл в Бейруте взрыв на американской базе, погибло 200 морских пехотинцев, — стали травить Степана как «русского шпиона». В школьном автобусе ему заламывали руки назад и били, приговаривая: «коммунист, шпион». (6, с. 115)

Эмигранты третьей волны, миллионная армия американских «труженников пера», обслуживающая институты западной демократии, наверняка заклеят ещё (да и не раз уж принимались клеймить) писателя как «аятоллу», «пещерного националиста» и уж, конечно, безумца, противящегося благам западной цивилизации. Но вспомним, что писал американцам об этой цивилизации их соотечественник — больше столетия тому назад:

«Трест «Дары цивилизации» — предприятие первый сорт, если управлять им разумно и с толком. Он может принести куда больше денег, территории, власти и прочих благ, нежели любая из азартных игр <...> Дары Цивилизации — славный, отменный товар; только нельзя разглядывать его на ярком свете. При слабом освещении, да ещё если смотреть издали, Дары Цивилизации могут показаться джентльменам, Ходящим во Тьме, весьма привлекательными. Перечислим их:

Любовь,
Справедливость,
Кротость,
Христианские чувства,
Защита слабых,
Трезвость,
Законность и порядок,
Свобода,
Честные взаимоотношения,
Равенство,
Милосердие,
Просвещение и тому подобное.

Ну что плохого? Просто великолепно, сэр! Любой идиот из самой непроглядной Тьмы придёт в восторг от такого товара! Но уж давайте не путать разные сорта <...> Сорт, о котором шла речь выше, по видимому, предназначается для экспорта <...> Между нами говоря, все вышеназванное — только обёртка, яркая, красивая, заманчивая, и

на ней изображены такие чудеса нашей Цивилизации, которые предназначаются для отечественного потребления. А вот под оберткой находится Подлинная Суть, и за неё покупатель, Ходящий во Тьме, платит слезами и кровью, землей и свободой. Именно эта Подлинная Суть и есть Цивилизация, предназначенная на экспорт. (14)

Одна из глав «Зёрнышка...» — одиннадцатая — озаглавлена особенно выразительно: «Испытание пошлостью» — о противостоянии человека не зависи м о г о институтам западной демократии и с в о б о д ы. Надеюсь, что А.И. простит автора настоящего эссе, вынесшего эти два слова в заголовок своего беглого анализа «Зёрнышка...».

Остаётся удивляться, как только всепроникающая атмосфера неприязни к писателю, посмевавшему не восхититься современными демократическими фетишами западного мира, не сузила поле его зрения, не расфокусировала зрачок. На сотнях страниц «Зёрнышка...» встречаются множественные фрагменты, исполненные благодарности к тем, кто подавал ему знаки ободрения, помогал в судебных процессах, старался в неискаженном виде доносить до западного читателя его произведения. Первым в этом ряду, пожалуй, стоит Президент США Рональд Рейган, за ним — политические деятели, переводчики, юристы. Уезжая домой, Александр Исаевич обратился с теплыми словами прощания к жителям Кэвендиша. В «Зёрнышке...» же есть и самые искренние строки признательности ко всем, кто не мешал ему работать. Вот эти слова: «В такой изумительной, необъятной тишине, как в Пяти Ручьях, не жил я никогда — да без навязчивых громкоговорителей, всю мою советскую жизнь долбивших, изнимавших меня. Тут проснёшься ночью — и всем телом, всей душой чувствуешь себя частью неохватимого молчащего Мира». (8, с. 153)

Источники:

1. Из телентервью компании CBS. Александр Солженицын. Публицистика, т. 2. Ярославль, 1996, с. 91.
2. «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Часть первая, Новый Мир, 1998 г., № 9.
3. «Зёрнышко...». Часть первая. Новый Мир, 1998 г. № 11.
4. В полицию для иностранцев цюрихского кантона. Александр Солженицын. Публицистика, т. 2. Ярославль, 1996, с. 202—203.

5. «Зёрнышко...» Часть первая. Новый Мир, 1999 г. № 2.
6. «Зёрнышко...» Часть вторая. Новый Мир, 2000 г. № 9.
7. М.А. Вершинин, А.Е. Хренов. Записная книжка политолога. Краткий политический словарь-справочник. «Аквилон», 1992 г.
8. «Зёрнышко...» Часть вторая. Новый Мир, 2000 г. № 12.
9. «Невское время», 30.01.07.
10. «Зёрнышко...», Часть третья. Новый Мир, 2001 г. № 4.
11. Речь в Гарварде 8 июня 1978 г. Александр Солженицын. Публицистика, т. 1. Ярославль, 1996 г. с. 326–327.
12. Сергей Ковалёв. Права человека как национальная идея, «Известия», 15.04.1998.
13. «Зёрнышко...» Часть вторая. Новый Мир, 2000 г. № 9.
14. Марк Твен. Человеку, ходящему во Тьме. В кн. Марк Твен, Соединённые линчующие Штаты, Рассказы и очерки. Публицистика. Москва, «Художественная литература», 1983 г.

«Альманах АСТЭС – Ассоциация творческих Союзов,
культурологический выпуск № 5 Мурманск, 2008»